

— Последнее место работы? — девица за столом напротив даже не подняла на меня взгляд.

Пальцы ее продолжали мерно постукивать по клавиатуре. Я откашлялась, растягивая время. Что мне ей ответить, в самом деле? Я — сотрудница детективного агентства с встроенной функцией детектора лжи? А что, в целом вполне достоверно отражает то, чем я занималась последние месяцы.

— Можно мой паспорт? — тихо попросила я и осторожно потянула за краешек обложки.

Алый ноготь моей собеседницы соскользнул с раскрытого документа. Девушка наконец посмотрела на меня. Взгляд ее выражал полное недоумение, хотя она еще даже не услышала ответа на свой вопрос. Вот где я смогла бы действительно удивить.

Следовало признать, что попытка устроиться на нормальную работу — идея заведомо провальная. За почти четыре года, что я живу в этом городе, я успела сменить нескольких работодателей. Каждый раз после расставания я испытывала облегчение, а новая работа появлялась буквально по щелчку пальцев. Вскоре выяснялось, к слову, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Это относилось и к зарплате, и к обязанностям.

Однако минувшим летом все изменилось.

Началось все с совершенно дурацкого предсказания. Буддийский монах поведал мне, что кое-кто давно ищет встречи со мной. Примерно с прошлой жизни. Можно было бы списать это на глупый розыгрыш, что я честно попыталась сделать. Однако вскоре в моей жизни появились трое мужчин, которые в один голос утверждали, что наша встреча предначертана свыше. Мы должны быть вместе, точно так, как это было в нашем предыдущем воплощении. Для чего? Все просто — чтобы противостоять вселенскому злу. Разумеется, я послала их куда подальше. Тем более место для того, чтобы раскрыть мне глаза, они выбрали своеобразное — арену цирка¹. «Там им и место», — подумала тогда я. Но вскоре ноги сами принесли меня в это логово абсурда.

Выяснилось, что мужчины остро нуждаются в моей помощи. От меня требовалось участие в деятельности детективного агентства. За вознаграждение, разумеется. Я за собой соответствующих талантов не замечала, однако быстро убедилась, что какой-то толк от меня все-таки есть. Я умею считывать эмоции людей и легко понимаю, врут они или говорят правду. А иногда вижу образы мертвых. В общем, возможно, цирк вовсе не был таким уж абсурдным местом для нашего знакомства.

Так я стала частью команды, которой заправлял Максимилиан Бергман, он же Джокер. А может быть, и не Джокер. Если принять то, во что по-

---

¹ Подробнее об этом читайте в романе Т. Поляковой «Миссия свыше».

верить решительно невозможно, мы — не просто старые друзья, давшие клятву встретиться в новой жизни, но загадочные герои. У каждого своя карта. Я — дама червей или просто Девушка. Димка Соколов считает себя бубновым валетом или Поэтом. Четвертым в нашей команде был Вадим Волошин, король крестей или Воин. Вскоре нарисовался и пятый — Клим, туз пик.

Собственно, с его появлением моя новая реальность перевернулась не то чтобы с ног на голову, потому что в какой-то степени вверх тормашками уже и была. Скажем так, здорово пошатнулась. Если до появления Клина я скептически относилась к истории про прошлые жизни, то ему удалось убедить меня одним своим появлением. Во мне внезапно вспыхнули чувства, накрывшие огромной волной и резко выбросившие на пустынный берег. На нем я и остаюсь по сей день, гадая, кто есть кто в нашей компании?

Осложняется все тем, что Максимильтян предупреждал меня: наша компания неизбежно встретится с Черным Колдуном, общим врагом и воплощением вселенского зла. Поэт, Воин и, разумеется, Джокер пытались убедить меня, что Клим и есть Черный Колдун. Я же не могла взять в толк, почему меня так тянет к нему, если он наш общий враг?

Можно отбросить в сторону чувства и призвать на помощь разум, однако даже так я не в силах объяснить смерть Вадима. Максимильтян, я и Димка всегда считали его одним из нас, Воином. Однако в один момент он попытался убить всех мужчин из нашей компании. Меня же, напротив, спас, по-

жертвовав собственной жизнью¹. Оставил на этой земле мучиться в догадках, кто есть кто. Хотя все они в один голос твердили мне с самого начала: все решает Девушка и выбор только за мной.

Сказать легко, но принять это решительно невозможно. Верный друг, преданный мною любовник, любовь всей жизни, заклятый враг и я, от которой все ждут невозможного. А именно — распределения ролей без единого права на ошибку.

Честно говоря, после того как Вадим утонул, не успев выбраться из грота, я долго не могла смириться с тем, что его больше нет с нами. Тем более что среди мертвых я его не чувствую. Впрочем, как и среди живых. А совсем недавно я поймала себя на чудовищной мысли: что, если его смерть — во благо? Одной загадкой меньше. Возможно, это лучшее, что мог сделать для меня человек, которому я небезразлична? Только бы остальные не последовали его примеру. Такую игру на выбывание я вряд ли вынесу. Впрочем, текущая игра большой радости мне также не доставляет.

Клим, будучи живым и здоровым, кажется, тоже решил облегчить мою жизнь подобным образом. Чуть более гуманным, к счастью. После завершения нашего прошлого совместного расследования он засобирился прочь из этого города, странным образом заключив, что в разлуке со мной ему будет легче. Только я отпускать его вовсе не собиралась.

Я и раньше честно пыталась что-то менять: уезжала из этого города, пыталась забыть этих странных людей и нашу общую историю, сделать вид, будто

---

¹ Подробнее об этом читайте в романе Т. Поляковой «В самое сердце».

ничего не было вовсе. Ни цирка, ни встречи, ни совместных расследований, ни общих воспоминаний. Хватило меня ненадолго. Максимильяну, как оказалось, ничего не стоило убедить меня вернуться¹.

Мне же пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить Клима остаться. Он сделал это ради меня, не стал покидать город. При этом прекрасно понимал, что взамен я ему пообещать ничего не могу. Отпустить его было бы ошибкой, я это точно знала, чувствовала. Он нужен мне рядом. Впрочем, как и Димка с Максимильяном. И Вадим, по которому я все больше скучаю.

— Вы в тринадцатый? — молодой человек кивнул в сторону кабинета, который я недавно покинула.

Я провела руками по лицу, пытаясь прийти в себя, и отрицательно помотала головой. Сунула паспорт в сумку и заторопилась к выходу.

Несколько последних дней стояли крепкие морозы, а сегодня, наконец, пошел пушистый мягкий снег, и воздух заметно потеплел. Решив, что это отличный повод прогуляться, я направилась в сторону дома пешком. Домом последний месяц я гордо именовала квартиру моей подруги Варьки. Мой угол представлял собой раскладушку на ее семиметровой кухне. Не то чтобы я тяготела к аскезе, тем более что финансовый вопрос после встречи с моими старыми новыми знакомыми был решен на много месяцев вперед. Моя помощь в расследованиях оплачивалась, пожалуй, даже слишком щедро.

---

¹ Эта история описана в романе Т. Поляковой «Четыре всадника раздора».

После моей очередной попытки бегства из города квартира, в которой я прожила больше трех лет, была сдана. Вернулась я как раз к началу очередного расследования, и Максимильтян настоял, чтобы я жила в его доме, как и остальные члены команды. После того как с делом было покончено, оставаться там я не захотела. Клим поспешил предложить мне кров — собственную квартиру. То еще место, где в каждой комнате на стенах изображена я собственной персоной. Хотя, справедливости ради, кожаный нагрудник я в этой жизни не носила и в бой у крепости трех башен не вступала. Так что, собственная это персона или нет — вопрос открытый.

Но не это смущало меня, а совместное проживание. Я по-прежнему не была уверена ни в себе, ни в Климе, ни в собственном выборе.

Идея арендовать жилье тоже виделась мне сомнительной. Ведь там, чего доброго, можно легко оказаться вдвоем, поддавшись собственному порыву или чужому влиянию. Поэтому я предпочла скромное складное ложе у балконной двери в жилище давней подруги. Не крепость трех башен, конечно, скорее безбашенная, но это уже вопросы к Варьке. Кстати, именно из-за нее я когда-то оказалась на встрече с монахом, который напомнил мне о кровавой клятве из прошлой жизни.

Посвящать подругу во все подробности того, что случилось со мной потом, я сочла лишним. Чего доброго, отправит меня на постой в психушку. Я бы на ее месте без малейших колебаний поступила именно так.

В отличие от меня, у Пантелеевны — так называли Варьку все вокруг — была стабильная работа

в маркетинговом агентстве. Там подруга пропадала целыми днями, иногда захватывая и ночи. По ее же собственным словам, мое присутствие ее не стесняло.

— Кто мне еще каждый вечер ужин готовить будет? — резонно вопрошала она.

— Муж, например.

— Где бы его найти, такого мужа? Вот чего мужикам недостает? Мы с тобой и умницы, и красавицы.

— Ага, и комсомолки...

— И это тоже, если потребуется. Только где все претенденты?

У Варьки с личной жизнью последнее время действительно не ладилось, а потому рассказывать ей о своей совсем не хотелось. В отличие от Варьки, у меня претенденты имелись. Дело было за малым — выбрать.

В общем, подруга, сама того не подозревая, вселила в меня надежду на нормальную жизнь. Глядя на то, как она пропадает на работе, я честно разослала резюме в десяток контор. То ли хотела что-то себе доказать, то ли тщиалась просто обмануть себя же. Затея, кажется, проваливалась с треском. С первого же собеседования я сбежала и теперь сидела на Варькином диване, подвернув под себя ноги и уставившись в книгу. Строки давно переплелись между собой, и вместо слов я видела на страницах затейливый черно-белый узор.

Бергман не звонил уже несколько дней, и это начинало меня беспокоить. Несмотря на все мои попытки отдалиться, мы продолжали общаться. Пару раз в неделю встречались все вместе за обе-

дом или ужином в его доме. Иногда обсуждали потенциальные дела — стоящих нашего внимания пока не было, но чаще просто вели натянутые беседы. Каждый раз мне было не по себе от того, что я являюсь единственной причиной, по которой эти трое мужчин собираются вместе. А последнее время я все чаще ловила на себе тяжелый взгляд Клима. Я боялась, что он все-таки покинет наш город, сорвется и уедет, не предупредив. Но еще больше я боялась с ним заговорить. Нарушить этот хрупкий баланс. Он здесь, рядом, но я по-прежнему не знаю, нужен ли он мне так же сильно, как я ему.

— Шла мимо пиццерии, и так захотелось «Пепперони». Не удержалась, короче, — донесся Варькин голос из прихожей, а я поняла, что успела задремать.

Я отложила книгу, сунула ноги в тапки и направилась к подруге.

— Горячая, — сказала я, забирая коробку из ее рук. — Это ты хорошо придумала. Ужин я еще не готовила, думала, ты позже будешь.

— Решила уйти пораньше, надоели все. Как твое собеседование прошло?

— Сказали, перезвонят, — легко соврала я.

— Куда денутся, — заверила подруга.

За пиццей мы обсудили вакансии, которые я присмотрела, и быстро перешли на перебивание косточек Варькиных коллег. Как оказалось, из Москвы к ним прикомандировали интересного субъекта. Холостого, юморного и Пантелеевну всерьез заинтересовавшего.

Дожевывая последний кусок пиццы, я с грустью подумала о том, что, если у подруги дело дойдет

до свидания, вряд ли мое присутствие на ее кухне будет по-прежнему уместным.

Варька предложила посмотреть кино, раз уж она вернулась пораньше. Мы устроились на диване и включили какую-то мелодраму. Примерно на двадцатой минуте Пантелеевна уже рыдала, уткнувшись в мое плечо. Меня история особо не впечатлила. Я с трудом досидела до конца, чтобы не обижать подругу, и отправилась на кухню разбирать раскладушку. Мой телефон все это время лежал на кухонном столе. Взяв его в руки, я обнаружила девять пропущенных звонков. Четыре от Джокера, три от Димки и два от Клима. Я посмотрела на часы и решила, что перезванивать в такой час неприлично. К счастью, Димка, как наипродвинутейший пользователь гаджетов, догадался отправить сообщение: «Лена, завтра в 18 у Джокера. Не опаздывай».

Что ж, спрашивать меня, кажется, никто не собирался. Впрочем, и так понятно, что я непременно буду.

Готовиться к встрече я начала в обед. Во-первых, чего доброго, Варька снова решит пораньше вернуться с работы, и придется объяснять, куда это я собираюсь. Поскольку время для встречи было выбрано вечернее, следовало надеть что-то чуть приличнее толстовки и джинсов. Обижать Лионеллу Викторовну мне совсем не хотелось. Старушка трудилась у Бергмана домоуправительницей и тщательнейшим образом следила не только за порядком в доме, но и за соблюдением этикета. Лет ей было за семьдесят, но, на удивление, она успевала все: от уборки и готовки до воспитания нерадивых гостей вроде меня.

В конечном счете я выбрала серые брюки и голубой джемпер. Хотела было повесить на шею нитку жемчуга, которая призывно смотрела на меня с Варькиного туалетного столика, но решила, что хорошего понемножку.

Около четырех я покинула Варькину квартиру и направилась в центр города. Вышла из троллейбуса на площади Победы и оказалась в сотне метров от «дома с чертями». Именно в нем жил Бергман. Черти — это не сам Бергман и со товарищи: так местные жители прозвали горгулий на водостоках особняка. В городе ходила легенда, что ночью чудовища оживают и даже подмигивают прохожим. Честно говоря, пару раз и мне казалось, что горгульи пристально на меня смотрят и моргают.

Дом этот был построен в конце девятнадцатого века и заметно выделялся в городском ансамбле. Две башни в готическом стиле, нечто вроде подвесного моста с цепями на фасаде вместо крыльца, венчающий это великолепие замысловатый герб. Словом, дом вполне себе отражал характер хозяина. Такой же загадочный, леденящий душу и завораживающий одновременно.

Вроде бы затейник, по приказу которого было возведено это готическое строение, являлся предком Бергмана. Однако в этом я не была уверена, как, впрочем, ни в одном факте его биографии. Распространяться о ней он не любил, а любые попытки что-либо о нем разузнать неизбежно заканчивались провалом.

Первый этаж особняка занимал букинистический магазин, принадлежащий Максимильтяну.

Я направилась ко входу, надавила на кнопку переговорного устройства. Вскоре раздался сигнал, и дверь открылась.

Из-за стеллажа красного дерева выглянул Василий Кузьмич и помахал мне рукой в знак приветствия. Управляющий магазином держал перед собой огромный фолиант в потертой кожаной обложке. Рядом с ним, сложив руки на груди, стоял посетитель. Высокий мужчина средних лет с бородкой.

Я огляделась. С моего последнего визита здесь почти ничего не изменилось. Разве что экспозиция на столе, который стоял посреди магазина, обновилась. Вместо привычной кипы книг, каталогов и старинных карт на кружевной салфетке стоял увесистый медный подсвечник, а рядом лежало несколько альбомов, которые я видела впервые. Я аккуратно открыла один из них — ручной работы с расшитой бисером обложкой. Внутри были собраны и аккуратно подклеены вырезки из газет, рукописные заметки, стихи и несколько акварельных рисунков.

— Занятная вещица, — услышала я голос Василия Кузьмича за спиной. — Альбом местной уездной барышни Крапивиной, вторая половина девятнадцатого века.

Он подошел ближе, перевернул несколько страниц и улыбнулся, как довольный кот, указывая на пожелтевшую бумагу:

— Стихи Аполлона Майкова с автографом.

— Не знала, что он бывал в здешних краях.

— Ну что ты, Леночка, это Крапивиной посчастливилось побывать в Петербурге, где они были представлены друг другу на одном из вечеров.